

Секция «Социология»

Теория революции Шмуэля Эйзенштадта

Карасёв Дмитрий Юрьевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Социологический факультет, Москва, Россия

E-mail: DK89@mail.ru

Теория революции Эйзенштадта представляет собой попытку ввести анализ революций в новые рамки, помимо отношений между элитами, классового конфликта, фрустрации, структурного дисбаланса, политической борьбы. Свою теорию революции Эйзенштадт фундирует в теорию цивилизации и модернизации, утверждая что современные, "настоящие" революции является лишь одной из разновидностей процесса изменений и/или лишь одним из вариантов прорыва к цивилизации Нового времени. Значительную роль в теории социолога играет опора на концепцию «центр-периферия» Шилза и разрыв со многими константами постпарсановского структурного функционализма.

В качестве «скелета» концепции социального изменения, в общем, и революции, в частности, выступает противопоставление и сопоставление символических и структурных характерных цивилизации, центра и периферии конкретного общества. Например, сопоставление и противопоставление трансцендентного (не только религиозного, но и утопического) и мирского порядков. По мнению Эйзенштадта для цивилизаций Нового времени, характерна парадоксальная попытка устранения вышеуказанного разрыва, напряжённости и, соответственно, попытка институционализация трансцендентного в мире. Через это конфликт между "гетеродоксиями" и "ортодоксиями" определяет социальный конфликт. Модернизация, в качестве "ответа" на данный вызов, предстаёт в виде множества социальных изменений, в которых преобладает не конвергенция по западному образцу, но развитие изначально присущих данной цивилизации духовных и социальных особенностей. Великие революции можно рассматривать как наиболее драматические в истории человечества, а может, и наиболее успешные попытки осуществить на макросоциальном уровне подобные трансцендентные, утопические представления.

Формирование мировоззрения нового времени, социологии и теории революции в частности является отражением этих процессов. В теории революции Эйзенштадта могут быть выделены основные блоки:

1. Критика априорного образа чистой революции
2. Классификация и критика социологических теорий революции, опирающихся на данный образ
3. Выделение трёх идеальных типов социальных изменений в традиционных обществах:
 - a) Обособленный тип социальных изменений (низкая степень совместимости)
 - b) Совмещающийся тип (высокая степень совместимости)
 - c) Особый тип (очень высокая степень совместимости изменений)
4. Классификация и теория групп революций:
ранние революции Нового времени (Нидерландская, Английская, Французская, революция в американских колониях)

поздние революции Нового времени (Русская, Китайская, Турецкая, Вьетнамская и революция в Югославии)

революции в неопатримональных обществах (Мексика, Боливия, Куба, Португалия и Испания)

революции в позднесовременных обществах

Критика априорного образа чистой революции в целом сводится к тому, что он возник на узком примере Великих европейских революций, и считается прологом будущей всеобщей революции. Этот образ имеет несколько основных составляющих: насилие, новизну, всеобщность перемен. В нём так же легко вскрываются постулаты эволюционизма. Результатом распространения образа чистой революции являются дискуссии о подлинности или неподленности тех или иных революций. А так же неспособность подобных теорий отличить, к примеру, распад традиционных социальных систем от революций.

В противоположность априоризму чистого образа в своей теории революции Эйзенштадт утверждает недостаточность структурных характеристик революции и постулирует необходимость наличия определённых исторических обстоятельств. Чтобы разъяснить, почему именно на примере социальных изменений в Европе Нового времени возник образ революции, он обращается к методу исторического сравнения, на основе которого выводит три идеальных типа социальных изменений в традиционных обществах на основе следующих переменных: тип общества, совмещение между направлением изменений и традиционными нормами, соотносённость между различными движениями протеста и борьбой в центре, идеологическое выражение, обоснование и осознание политической борьбы и т.д. Социолог показывает, что структурными характеристиками, напоминающими социальные изменения в Европе нового времени, обладал лишь особый тип изменений, поскольку характеризовался высокими значениями вышеперечисленных переменных. Однако традиционным обществам не доставало исторических обстоятельств.

Последние появились лишь в Европе Нового времени, и в идейном плане представляли из себя исторически уникальную попытку установление трансцендентного порядка в мире, а в структурном – состояли в том, что Европа в результате множества войн и соперничества между государствами представляла из себя общества имперско-феодалного типа. Где постоянно менялись границы, отношения центра и периферии, царил раскол элит и полицентризм, а кроме того впервые в истории сформировалась международная политическая и экономическая система Нового времени, что привело к широким структурным сдвигам, которые объединяются под «рубрикой» формирование капиталистического общества. В результате ранние революции Нового времени представляли собой «мутацию» традиционных типов социальных изменений, на основе которой появилось представление о новом типе социальных изменений – революционном.

Ранние и поздние революции Нового времени Эйзенштадт называет Великими или «настоящими» революциями, однако чистый образ революции формировался исключительно на примере ранних. Основные сходства в том, что вектором изменений служила модернизация, структурно соответствующие общества представляли собой имперский или имперско-феодалный тип, принадлежали к великим цивилизациям, а так же сходство остальных переменных для традиционного типа. Основные различия в том, что

ранние революции были скорее буржуазными, трансцендентным порядком в них был религиозный, а новые — социалистическими с идеологией в качестве внемирского порядка. А главное, если в результате первых революций международная система нового времени была только сформирована, то последние — произошли, отчасти, по причине принудительного включения в неё.

Принудительное или даже зависимое включение так же характерно для неопатримональных революций, однако их Эйзенштадт не считает их «настоящими», поскольку на момент модернизации они напоминали патримональные общества с обособленным типом социальных изменениями. Поэтому результаты их едва ли кажутся революционными, а в случае если они таковыми являются, то причиной тому международное влияние, как в случае национально-освободительных революций в постколониальных обществах или социалистической кубинской революции.

Таким образом, теории революции Эйзенштадта удаётся избежать и того, что Поппер называет «нищетой историцизма», и априоризма социологизма, который критикует сам Эйзенштадт. Теория носит описательный и «понимающий» характер, а редкие попытки построения объяснительных моделей по типу: «чему жестче структура центра, тем шире революционное насилие и радикальнее разрыв с дореволюционной традицией» — закономерно слабы.